

Ефремова Светлана Вадимовна

студентка

Научный руководитель

Гарифуллина Алсу Ринатовна

канд. юрид. наук, доцент

Казанский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный
университет правосудия им. В.М. Лебедева»

г. Казань, Республика Татарстан

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ПРЕДЕЛЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ

***Аннотация:** в статье исследуются конституционно-правовые границы внедрения технологий искусственного интеллекта в судебную систему Российской Федерации. Анализируется соответствие алгоритмизации судопроизводства фундаментальным принципам правосудия – независимости судей, непосредственности судебного разбирательства, права на справедливое судебное разбирательство. Рассматриваются международные этические стандарты. На основе сравнительного анализа предлагаются критерии допустимого использования ИИ в судебной деятельности и обосновывается необходимость законодательного закрепления принципа «human-in-the-loop» (человек в контуре управления) как конституционной гарантии.*

***Ключевые слова:** искусственный интеллект, судебная власть, конституционные принципы правосудия, независимость судей, право на справедливое судебное разбирательство, алгоритмическая прозрачность, human-in-the-loop.*

Развитие технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ) оказывает возрастающее влияние на все сферы государственной деятельности, включая судебную систему. В Российской Федерации реализуются проекты по цифровизации судопроизводства: функционирует Государственная автоматизированная система «Правосудие», внедряются инструменты аналитики судебной нагрузки,

разрабатываются модули для автоматизированного обобщения судебной практики. Вместе с тем технологический прогресс порождает фундаментальные конституционно-правовые вопросы о пределах допустимого использования алгоритмов при отправлении правосудия. Как отмечает Т.Я. Хабриева, цифровизация трансформирует не только инструментальную, но и сущностную сторону права, изменяя содержание, форму и механизм его действия [4, с. 5]. В этой связи особое значение приобретает задача, сформулированная Н.С. Бондарем: «На этой основе становится возможным достижение баланса конституционных ценностей в формирующейся информационно-цифровой среде, минимизация негативных последствий влияния новых технологий на демократические институты современного конституционализма» [2, с. 25].

С.А. Авакьян, анализируя влияние информационных технологий на конституционное право, подчеркивает, что «обращение к данной теме... является необходимостью определения задач науки и отрасли конституционного права в условиях электронно-цифровых технологий», поскольку они «ставят новые задачи перед государством, обществом, гражданами и их объединениями» [1, с. 23].

Конституция Российской Федерации устанавливает, что правосудие осуществляется только судом (ст. 118), судьи независимы и подчиняются только Конституции и федеральному закону (ст. 120). Принцип независимости предполагает, что при принятии решения судья не связан ничьей волей – ни волей сторон, ни мнением вышестоящей инстанции, ни, как следует добавить, рекомендацией алгоритмической системы. Принцип непосредственности судебного разбирательства, закрепленный в процессуальном законодательстве, требует личного восприятия судьей доказательств. Это означает, что оценка доказательств должна основываться на внутреннем убеждении судьи, которое невозможно алгоритмизировать без утраты сущностных характеристик правосудия.

В.Д. Зорькин, обращаясь к проблемам цифровизации правосудия, отмечает существенные изменения в структуре правонарушений и самом процессе отправления правосудия. По его мнению, «многие части судебных решений будет писать искусственный интеллект», однако при этом он предупреждает о рисках:

«прежде всего такая опасность существует для индивида, который теряет традиционные ориентиры [4].

Право на справедливое судебное разбирательство (ст. 46 Конституции РФ) включает право знать основания принятого решения и возможность его обжалования. Использование непрозрачных алгоритмов создает препятствия для реализации данного права, поскольку сторона не может оспорить логику, которая не поддается объяснению. Как указывается в Этической хартии об использовании искусственного интеллекта в судебных системах, принятой Европейской комиссией по эффективности правосудия (СЕРЕЖ), любое использование ИИ должно быть прозрачным и поддаваться проверке [7].

Международный опыт демонстрирует попытки формирования нормативных рамок для внедрения ИИ в правосудие. Наиболее авторитетным документом остается Этическая хартия СЕРЕЖ 2018 года, устанавливающая пять ключевых принципов: соблюдение фундаментальных прав, отказ от дискриминации, качество и безопасность данных, открытость, беспристрастность и честность методов обработки данных и человеческий контроль [7]. В 2024 году вступил в силу Регламент ЕС об искусственном интеллекте (AI Act), который относит системы ИИ, используемые в правосудии, к категории высокого риска, что предполагает обязательную оценку соответствия, прозрачность и надзор со стороны человека [8].

Применительно к российской правовой системе необходимо определить сферы судебной деятельности, где использование ИИ допустимо, и те, где оно должно быть исключено принципиально. Представляется, что ИИ может эффективно применяться для автоматизации судебного делопроизводства и документооборота, аналитической поддержки – поиска и обобщения судебной практики, прогнозирования судебной нагрузки и оптимизации управления судебными потоками, помощи в составлении проектов судебных актов (без подмены самостоятельного изложения мотивов судьей), технической проверки соблюдения процессуальных формальностей.

Категорически недопустимым представляется использование ИИ для оценки доказательств (особенно в их совокупности, требующей внутреннего убеждения судьи), определения меры наказания, поскольку это требует учета индивидуализированных обстоятельств, не поддающихся полной формализации, прогнозирования решения вышестоящих инстанций (создает риск психологического давления на судью), любых действий, связанных с ограничением прав и свобод граждан, без непосредственного участия человека, принимающего окончательное решение.

Ключевым механизмом обеспечения конституционных пределов должен стать принцип «human-in-the-loop» (человек в контуре управления). Данный принцип предполагает, что любое решение, затрагивающее права и обязанности граждан, принимается судьей лично, а ИИ используется лишь как вспомогательный инструмент, рекомендации которого не имеют обязательной силы. При этом судья должен иметь возможность понять логику формирования алгоритмической рекомендации. Объяснимость алгоритмов выступает не просто техническим требованием, а конституционным условием их легитимности в судопроизводстве, поскольку только объяснимое решение может быть проверено и, следовательно, обжаловано.

Практическая реализация предложенных подходов требует внесения изменений в процессуальное законодательство. Целесообразно закрепить в ГПК РФ, АПК РФ и УПК РФ общий принцип: «Использование систем искусственного интеллекта в судопроизводстве допускается только в качестве вспомогательного инструмента, не подменяющего личное участие судьи в исследовании доказательств и принятии решения по делу. Судья не вправе основывать свое решение исключительно на выводах, сгенерированных искусственным интеллектом, без их самостоятельной проверки и оценки». Необходимо также установить требования к системам ИИ: прозрачность алгоритмов, отсутствие дискриминационных предубеждений, защита персональных данных, подлежность независимому аудиту. Следует разработать этический кодекс использования ИИ в судопроизводстве, что согласуется с рекомендациями международных документов.

Проведенный анализ позволяет сформулировать следующие выводы.

1. Внедрение искусственного интеллекта в судебную систему Российской Федерации должно осуществляться в строгих конституционных рамках, определяемых принципами независимости судей, непосредственности судебного разбирательства и права на справедливое правосудие.

2. Международные стандарты (Хартия СЕПЕJ, Регламент ЕС) свидетельствуют о консенсусе относительно недопустимости передачи алгоритмам функций, связанных с принятием окончательных решений по делу.

3. Ключевым гарантом соблюдения конституционных пределов выступает принцип «human-in-the-loop», предполагающий сохранение за судьей роли единственного субъекта, принимающего юридически значимое решение, а искусственный интеллект используется лишь как вспомогательный инструмент, рекомендации которого не имеют обязательной силы.

4. Требуется законодательное закрепление допустимых сфер использования ИИ в судопроизводстве, установление обязательных требований к таким системам и принятие этического кодекса, что согласуется с рекомендациями международных документов и позволит сформировать единые стандарты правоприменительной практики.

Технологический прогресс неизбежен, но в сфере правосудия он должен подчиняться не логике эффективности любой ценой, а логике конституционных ценностей. Только такой подход позволит сохранить человеческое измерение правосудия и обеспечить реализацию конституционных гарантий судебной защиты в цифровую эпоху, не допуская дегуманизации судебной деятельности и сохраняя доверие граждан к суду как независимому и справедливому арбитру.

Список литературы

1. Авакьян С.А. Информационное пространство знаний, цифровой мир и конституционное право / С.А. Авакьян // Конституционное и муниципальное право. – 2019. – №7. – С. 23–28. EDN ZYIYOL

2. Бондарь Н.С. Информационно-цифровое пространство в конституционном измерении: из практики Конституционного Суда Российской Федерации /

Н.С. Бондарь // Журнал российского права. – 2019. – №11. – С. 25–42. DOI 10.12737/jrl.2019.11.2. EDN CNJFSM

3. Зорькин В.Д. Providentia или о праве будущего в эпоху цифровизации: лекция на Петербургском международном юридическом форуме, 2020 / В.Д. Зорькин // Legal Academy.

4. Хабриева Т.Я. Право перед вызовами цифровой реальности / Т.Я. Хабриева // Журнал российского права. – 2018. – №9. – С. 5–16. DOI 10.12737/art_2018_9_1. EDN OZGIAV

5. European Commission for the Efficiency of Justice (CEPEJ). European Ethical Charter on the use of AI in judicial systems and their environment. Adopted at the 31st plenary meeting (Strasbourg, 3–4 December 2018).

6. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act) // Official Journal of the European Union. 2024. 12 July. L 1689.